

ОНТОЛОГИЯ ЦВЕТА У ВИТГЕНШТЕЙНА

Целью настоящей работы является выявление единства различных цветовых представлений при сопоставлении с рабочей концепцией Людвиг Витгенштейна, опубликованной в 1977 году Г.Е.М. Анскомбом.

Выставка 2003 года в Париже «Aux origines de l'abstraction. 1800-1914» наглядно продемонстрировала потребность философов в понимании истоков абстрактного искусства и, в частности, семантики цвета. Так, кураторы выставки неоднократно упоминают теории Гете и Ньютона о цвете, и, в частности, является ли цвет результатом контрастов на границе между белым и черным, между светом и тьмой, или же цвет – результат разложения света (Lemoine S., Rousseau P., 2003).

Однако еще Л. Витгенштейн был не удовлетворен учением Гете (раздел I: параграф 70): «Теория Гете о строении цветов спектра оказалась неудовлетворительной и на самом деле вовсе не теорией. С ее помощью ничего нельзя предсказать... Нет в ней и никакого *experimentum crucis*, что могло бы решить в пользу или против этой теории».

Вместе с тем Витгенштейн не видел понимания сущности цвета и в теории Ньютона (III: 126): «И это не смог доказать также Ньютон». В разделе (III: 206) он развивает это положение: «физическая теория (например, Ньютона) не может решить проблем, которые определил Гете, даже если он сам их тоже не решил»; наконец, в (II: 16) заключает: «Феноменологический анализ (например, осуществленный Гете) – это анализ концептов, и он не может быть в согласии или в противоречии с физикой».

И Витгенштейн задает вопрос (II: 11): «Как мы должны взглянуть на эту проблему для того, чтобы она стала решаемой?» При этом (I: 22) «мы не хотим создать теорию цвета,... а хотим показать логику цветовых понятий». Таким образом, Витгенштейн намечает третий путь. Действительно, теория Ньютона основана на научно-материалистическом измерении длин волн световых потоков. Учение Гете базировалось на феноменологии впечатлений от действия цветов на глаз и мозг. Витгенштейн же обращает большее внимание на психолингвистические закономерности операций с цветовыми концептами и цветообозначениями (I: 22, 61, 66), (II: 11, 12), (III: 131, 180, 188). что по его же словам (2:3), «находится где-то между наукой и логикой».

Если наука оперирует понятиями, а формальная логика – формализацией истинности в использовании этих понятий, то какой же третий путь может существовать между ними?

Для ответа на этот вопрос обратимся к новому представлению науки о цвете и человеке – к теории и методологии хроматизма. Это название

происходит от древнегреческого слова «chroma», в которое античные авторы включали следующие значения: 1) цвет как онтологически-идеальное, распределенное; 2) краска как материальное, определенное и 3) чувства как отношения между первым и вторым.

Можно полагать, что именно в онтологическом смысле Витгенштейн упоминает «идеальное» в параграфе (III: 35, 36), говоря о Лихтенберге: «он сконструировал идеальное использование из реального... «Идеальное» – не значит особенно хорошее, а означает что-либо, сведенное к экстремуму... И конечно, такая конструкция может помочь нам узнать нечто о реальном использовании».

К какому же виду с позиций хроматизма можно отнести понятия и цветообозначения Витгенштейна, или имена цвета, которыми оперирует психолингвистика (Вежбицкая А., Кульпина В.Г.)? Относительно окрасок внешней среды они проявляют свойства идеального. Однако относительно невербализованных, распределенных перцептов (образов) цвета они оказываются онтологически-материальными из-за своей определенности в конкретном понятии. Вероятно, это имеет в виду Витгенштейн, когда констатирует (III: 106): «Логика понятия «цвет» гораздо более сложна, чем это могло бы показаться».

В самом деле, «цвет» – интенционал совершенно разнородных предикатов (Bremond E., Кульпина В.Г., Серов Н.В.). Так, например, обсуждая психолингвистические идеи «Хроматизма мифа», В.Г. Кульпина замечает: трудно согласиться с тезисом Н.В. Серова о возможности единого для всего человечества мира перцептивного цветового пространства. При этом, по-видимому, с позиций чистой лингвистики она не обращает внимания на тот факт, что у меня речь идет именно о перцепте, но никак не о цветообозначениях.

В хроматизме концепт цвета был детально проанализирован на всех (и осознаваемых, и на неосознаваемых) уровнях интеллекта. Онтологически-материальные свойства цветов внешней среды и одновременно понятий позволили полагать, что представления Витгенштейна должны быть ближе к учению Ньютона, чем Гете, который изучал идеальные предикаты перцептов.

Для анализа этого положения обратимся к представлению цветов, о котором неоднократно говорит Витгенштейн (I: 66): «Разве не можем мы себе представить, что некоторые люди обладают другой геометрией цвета, чем мы?». Геометрию цветов принято выражать в виде цветового круга. Вместе с тем, переход в цветовом круге от красного к синему можно представлять различно: или по часовой стрелке (красный, пурпур, синий, зеленый), или – наоборот (красный, зеленый, синий, пурпур), то есть зеркально. Так, отображение цветов в цветовом круге – при переходе от красного через зеленый к синему – Ньютоном, Ламбертом, Юнгом,

Гельмгольцем и Максвеллом располагалось по часовой стрелке. Как правило, это были стимульные цвета.

Виттгенштейн оперирует понятиями и также располагает цвета по часовой стрелке (III: 40): «Для меня зеленый – это одна особая промежуточная станция на цветовой дороге от синего к желтому, а красный – другая станция». Конец этой фразы показывает, что Виттгенштейн одновременно видит и оба зеркальных пути в цветовом круге. Задается он вопросом и о прямом пути через ахромный цвет (III: 41): «Каким бы преимуществом обладал по сравнению со мной тот, кто знал бы прямую дорогу от синего к желтому?». В то же время Гете, Рунге, Шопенгауэр, Геринг и Оствальд располагали цвета (от красного через зеленый к синему) против часовой стрелки. Здесь речь шла о перцептивных цветах. И Виттгенштейн постоянно показывает, что можно оперировать и относительно-материальными понятиями, и относительно-идеальными перцептами (III: 47, 71-72): «Что означает, когда мы говорим «Коричневый» сродни желтому?»; или как он это формулирует в разделе (III: 50): «Желтый более сродни красному, нежели синему». Это напоминает нам парадокс Бертрانا Рассела о «семантической несовместимости синего и красного цветов», который приводит Анна Вежбицкая без разрешения этого парадокса. В хроматизме же показано, что в обоих случаях речь идет об архетипической несовместимости бессознательно-телесных (теплых) цветов и подсознательно-творческого синего (Серов, 2004). Показательно, что во всем мире «красными» называют «левых» (экстремистов, коммунистов и т.п.). Следовательно мир – не только подсознательного контекста, но и вполне осознанного текста – живет не стимулами (где по Ньютону красное в круге цветов – справа), а перцептами, по Гете, то есть неосознаваемыми образ-концептами.

Ахромная ось в цветовом теле практически всеми исследователями располагалась вертикально. Так, Виттгенштейн неоднократно возвращается к вопросу об отличии ахромных цветов от монохромных (III: 9, 10, 80, 197, 210, 212). В частности, он отмечает важность «концептуальных понятий» (III: 211) и практически сопоставляет ахромную шкалу цветов со шкалой времен (III: 212): «белый цвет постепенно сглаживает все контрасты»; (III: 9): «как выглядит другое, нетемпоральное его (белого цвета – *H.C.*) использование?». В хроматизме было показано, что ахромные цвета моделируют архетипические свойства времени. Таким образом, данные физиков и физиологов оказывались зеркальным отображением данных, полученных психологами и художниками. Отсюда можно предположить, что существует некая взаимодополнительность этих данных в работах философов. Левое и правое направление цветов в цветовом круге с

позиций латерализации функций объясняется преимущественным расположением цветообозначений в левом полушарии головного мозга и перцептивных цветов в правом (Изард). В хроматизме латерализация связана с определенной стереотипией функций левого полушария и функциональной индивидуализацией правого.

Однако здесь мы снова сталкиваемся с проблемой архетипичности цветовых образов в подсознании. Если бы они были строго индивидуальными, то являлись бы они архетипическими, то есть присущими коллективному бессознательному, по Юнгу? И здесь Виттгенштейн гениально формулирует ответ на этот вопрос (III: 86-87): «Трудность, очевидно, состоит в следующем: именно ли геометрия цветов показывает нам, о чем мы говорим, то есть говорим ли мы о цветах? Трудности в задаче вообразить ее (или воспроизвести ее на картине) заключается в знании того, когда это изображают на картине...».

Отсюда в хроматизме предполагается, что все люди на Земле неосознанно обладают тождественными архетипически-идеальными образами в подсознании. Материальное же их воплощение в красках или словах является индивидуальным, так как сводится по словам Виттгенштейна «к неопределенности требований вообразить это в уме». В хроматизме это положение раскрывается как талант художника или философа в опредмечивании архетипов, то есть в онтологической материализации идеального.

Высказанные предположения в хроматизме позволили создать адекватный концепт внешнего (по Ньютону) и внутреннего (по Гете) цветового пространства. В сочетании с цветовыми архетипами эти пространства привели к построению архетипической («атомарной») модели интеллекта (АМИ). По моим оценкам, исключения из правила архетипичности цветовых канонов составили не более 15% от всей базы данных по цветовым канонам различных культур (Серов, 2004).

В заключение отмечу, что если левое полушарие связано с общепринятыми понятиями (известными из прошлого), а правое – с перцептами и архетипическими образами (которые будут материализованы в будущем), то за онтологией цвета, безусловно, видится будущее, естественным образом связанное с прошлым.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С.231.
2. Изард К.Е. Эмоции человека. М., 1980. Гл.6.
3. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. М., 2001. Гл.2.
4. Серов Н.В. Цвет культуры. СПб., 2004. Гл. 1, 4, 21.
5. Bre+/mond E+/. L'intelligence de la couleur. P., 2002.

6. Lemoin S., Rousseau P. Perception et abstraction // L'OEIL, novembre 2003. P.2-6.
7. Wittgenstein L. Remarks on colour. Berkeley, California Press, 1977.